

Я ПОЗНАКОМИЛАСЬ со счастливым человеком. Это Раиса Владимировна Глезер. Когда-то на экране телевизора я увидела очень милое, искрящееся неподдельной добротой лицо этой женщины.

Наверное, не только меня пленил тогда ее рассказ о музыке — простой, безыскусный, захватывающий.

Тогда подумалось: «А ведь так можно говорить только горя и волнуясь. Со страстью, пожалуй, не меньшей, чем нужна для сочинения музыки...»

И вот в Малом зале Кисловодской филармонии: «Здравствуйте!» То же милое лицо. Крепкое рукопожатие.

Трудно говорить о профессиональных качествах известного музыковеда страны, чье имя хорошо знают и за рубежом, вне ее лекторской деятельности.

Раису Владимировну Глезер нужно слушать. Неудивительно, что ее имя на афишах всегда собирает большую аудиторию.

У Глезер нет невесомых слов. Все, произносимое ею, имеет точный логический смысл. И душевным ее настроением, и складом счастливого свойства характера все слова ее наполняются той удивительной живительной струей и неистребимым жизнеутверждением, которым безоговорочно веришь.

...Предваряя вступительным словом концерт симфонического оркестра, Раиса Владимировна отказалась от традиционного, обычно вызывающего досаду «объяснения» музыки. Она идет по другому пути — дает представление об эпохе, жизненной судьбе композитора, о его замыслах. Таков был рассказ о жизни Моцарта в период сочинения его 36-й симфонии, о трагедии глухого Бетховена, сочинившего свою Седьмую симфонию, которая нас — слушающих! — озаряет. И покоряет глубиной и тем внутренним видением

жизни, которое, как говорят древние, «под силу только богам да гениям».

С первых аккордов до финала Раиса Владимировна не оставляет своим вниманием оркестр. Раскрыта партитура. Ни одно движение дирижировавшего в тот вечер Михаила Юровского не ускользает от нее.

— Вы так и работаете — без антракта?

— Я не умею. Никогда не читала перед аудиторией. И голос не поставлен...

— А ты думаешь, они умирать умеют?..

И на завтра она вышла в зал. Полная решимости и неведомо откуда взявшихся сил. Сказала:

«...Сказать по правде, мне совсемно признаться в моей композиторской деятельности. Для других она цель жизни, а для меня потеха, отдых, отале-

настоящему счастлива. Никогда не забуду и человека, силой обстоятельств подарившего мне замечательную мою профессию...

Потом, уже когда «улышались» Глезер, началась удивительная, полная неожиданных и интересных встреч жизнь. Началась работа, влекущая радостью живого общения с людьми. Работа, в которой главным распорядителем было сердце. Что бы она ни делала — писала ли статьи и рецензии о выступлениях музыкальных коллективов, монографии о выдающихся советских композиторах, читала ли лекции о музыкально-эстетическом воспитании — в ней говорило сердце. И так по сей день. Теперь в ее активе более пяти тысяч публичных лекций о классической и современной музыке.

Дмитрий Борисович Кабалевский на одном из концертов Московского симфонического оркестра, которым дирижировала в Кисловодске Вероника Борисовна Дударова, сказал нам: «Много у нас хороших лекторов-музыковедов. Хвала им и слава! Но нужно послушать Глезер. Очень интересный человек... Ее работа — это ее вечное горение».

Под этой звездой и живет Раиса Владимировна Глезер. Творческие командировки по городам Советского Союза и за рубежом, большая общественная работа, изучение жизни и творчества советских композиторов, представительство в жюри конкурсов дирижеров — это только многочисленные формы деятельности Р. Глезер. А содержание всегда одно — постоянные поиски своего объяснения с жизнью, искусством, литературой, с людскими сердцами и душами.

— Для меня, — говорит Р. В. Глезер, — нет профессии более увлекательной, чем моя. Я счастлива, если могу сделать людей духовно богаче.

Г. ВОРОНИН.

На снимке: Р. В. Глезер.

РЯДОМ С ИНТЕРЕСНЫМ

СОБЕСЕДНИКОМ

«ЕЁ ВЕЧНОЕ ГОРЕНИЕ»

— А по-другому и нельзя... Ученица А. Гольденвейзера и Г. Гинзбурга, Раиса Глезер собиралась стать пианисткой. После войны — она аспирант истории искусств Академии наук СССР. Ее руководителем был академик Б. Асафьев.

Но когда-то в Оренбурге, в военные годы, Раису Владимировну вызвал к себе начальник отдела искусств. Назавтра в репертуаре — «Князь Игорь» Бородин. Аудитория — солдаты-новобранцы, которые в самые ближайшие дни отправляются на фронт.

— Скажешь вступительное слово, — он был немногословен и суров. — Скажешь перед ребятами. О Родине. О Руси.

Кающийся меня от профессуры, науки... — Зал мгновенно и недоуменно стих. Вышла на сцену почти девочка и что-то уже совсем непонятное говорит серьезным людям. — Так говорил о своих занятиях музыкой химик Бородин. Человек, создавший такие шедевры, как Вторая «Богатырская» симфония и опера «Князь Игорь», может по праву называться сыном своей Отчизны. Настоящим россиянином. Настоящим гражданином». — Она услышала, как вздохнул зал. Она видела глаза, в которых без труда читались и мысль, и неподдельный интерес к тому, о чем она говорит, и одобрение.

— Это было мое первое выступление. Это было мое начало. День, когда я была по-

Кавказский зритель
г. Пятигорск

22 МАР. 1972

КАВК.